

НАТАЛЬЯ МЕЗЕНЦЕВА

ПРЕВРАТНОСТИ

Наталья Мезенцева

Превратности

«Алисторус»

2019

УДК 82-32
ББК 84(2)6

Мезенцева Н. В.

Превратности / Н. В. Мезенцева — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907255-04-3

В книгу «Превратности» вошли рассказы, повести, а также эссе, иллюстрированное картинами автора в технике эбру. В основу текстов положены преимущественно реальные события. Тайны, хранящиеся в семьях под грифом особой секретности, стали известны автору из уст очевидцев. Много неожиданного порою скрывают семейные архивы памяти. Имена и обстоятельства в книге изменены так, что читатель не узнает ни участников событий, ни мест их проживания. Интрига же сохраняется...

УДК 82-32

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907255-04-3

© Мезенцева Н. В., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Собака Хан и гомеопатия	6
Потомок Нострадамуса	9
Цыганка	13
Отречение	16
Ружьё	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Мезенцева
Превратности. Повести и рассказы

На обложке – картина автора.

© Мезенцева Н. В., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Собака Хан и гомеопатия

Как-то разговорились с близкой мне по духу приятельницей о проблеме советских немцев в период их депортации из Поволжья и других регионов в Казахстан, в дальние районы Сибири, в Среднюю Азию. Оказалось, что у родителей Эммы были друзья-немцы, можно сказать, закадычные. Все жили в Москве. Отцы семейств – коллеги. Эмма ещё девочкой к ним часто ходила в гости и хорошо помнила начало войны и серьёзные тревоги в семье Ланге. Рассказала и забавную историю, которая выглядела солнечным зайчиком на том мрачном, тревожном фоне. Я дерзнула позаимствовать сюжет.

1941 год – началась война. Немцев, живших с незапамятных времён в России, стали высылать в самые дальние, не обжитые края страны, где многие, очень многие, погибали. Это могло случиться и с нашими добрыми знакомыми в Москве. Но судьба оказалась к ним милостива.

Семейство Ланге имело немецкие корни. Их предки работали в Москве ещё при Петре I. Это был поистине уважаемый род. Павел Иванович Ланге изобретатель, потомственный инженер. Был ведущим специалистом в станкостроении, удостоен наград. Его жена Дагмар имела немецко-голландское происхождение. Её дальние и близкие родственники были, в основном, медиками. Дагмар работала до недавнего времени старшей хирургической сестрой в московской больнице. Теперь, в войну, не была уверена, что ей разрешат остаться там. Их сыну Петеру было тринадцать. На лето в семью приехала племянница Павла Ивановича Ольга (наполовину немка, уже с русской фамилией). Она окончила школу в Новгороде и временно жила у родных в Москве. Хотела поступить учиться и быть медсестрой. А тут началась война.

В сентябре 1941 года шла депортация. Теперь быть немцем – значит, быть подозреваемым в предательстве. Павел Иванович был командирован в Челябинск, куда позже должен был переехать с семьёй налаживать работу завода. Он был высокопоставленным, особо ценным специалистом, на такие кадры депортация не распространялась. На время отсутствия главы семьи троим домочадцам пришлось затаиться на всякий случай, что стало возможным лишь с помощью верных, добрых друзей. Другьям открывали двери по предварительно обговорённым звонкам-кодам. «Бережёного Бог бережёт», – говорила Дагмар.

У Ланге был ирландский сеттер Хан – добрейший и весёлый рыжий красавец. Ему четыре года, он уже не легкомыслен, как в юности. Такую собаку не скроешь от соседей и выводить на улицу надо. С ним продолжал гулять подросток Петер, кажется, единственный, кто не боялся возможной депортации. Взрослые чувствовали себя в опасности и ждали возвращения главы семьи – своего надёжного защитника. Надеялись, что тогда всё устроится и можно будет всем остаться в Москве или переселиться семьёй в Челябинск. Словом, время страшное, опасное – война.

Хотя Дагмар и служила официальной медицине, но доверяла и нетрадиционной. На себе испробовала целебную силу гомеопатии, лечилась сладкими, на вид бесполезными, даже легкомысленными, белыми крупинками. Как ни странно, свои хвори она успешно вылечивала, благодаря опытному гомеопату, тоже из немцев, доктору Штайну.

Уже начались трудности с продуктами. Карточки во избежание привлечь к себе внимание, решили не получать, пока не вернётся Павел Иванович. В семье было не до шуток, но Хан разряжал обстановку и нередко заставлял смеяться. Умный и явно с чувством юмора пёс приносил свою жестяную миску тем, кто заходил в их дом. Приветствуя, он вилял хвостом, ставил миску перед гостем и садился в ожидании приношения. Глаза Хана улыбались. Сначала домочадцы поражались сообразительности и необычному для собаки остроумию и смеялись. Потом испытывали некоторую неловкость перед друзьями, у которых и у самих лишнего не бывало. Хан веселил народ и часто получал за находчивость кусочек.

Как-то племянница нашла в буфете сладкие шарики в маленьких картонных упаковках и подумала, что ими можно угостить голодную собаку, вреда-то от такой мелочи точно не будет. Дала сначала немного, а потом, увидев счастье на морде Хана, щедро скормила ему содержимое трёх-четырёх коробочек. Она же не ведала о квантовых эффектах гомеопатии, не знала ничего о свойствах лечебных шариков. Душа Ольги была спокойна, а пёс радовался лакомству.

Рыжий сеттер с удовольствием наелся сладкой гомеопатии и стал необычно возбуждённым, его сознание явно претерпело изменения, и он превратился в игривого агрессора. На Гоголевском бульваре резвился и бегал кругами, даже лаял на птиц, чего с ним никогда не бывало. Подбежал к проходящему мимо мужчине в военной форме и цапнул его сзади за брюки (явно прихватил и часть тела), да так, что разорвал галифе. Военный импульсивно выхватил револьвер и погнался за псом и за мальчишкой, его хозяином. Подъезд оказался рядом, мальчик и собака вбежали в квартиру, за ними разъярённый вояка с оружием в руках и в спадавших с него штанах. И... тишина. С огромного кресла у окна встала величественная высокая женщина в длинном клетчатом платье, затянутом чёрным поясом на талии, и сняв очки, от неожиданности заговорила по-немецки, на что и сын отвечал по-немецки же.

– Was ist passiert?

– Khan war verspielt, stuerzte sich auf den Gentlemen und wie schien biss ihn...

– О, простите, господин! Это впервые произошло. Наш Хан всегда добрый и спокойный. Какой страшный инцидент. Нам нет прощения. Я помогу Вам. Будем искупать нашу вину.

– Ну что ж, хорошо, что я его не убил, я мог и выстрелить.

Дама (именно так хотелось её называть) громко позвала некую Ольгу:

– Ольга, принеси, пожалуйста, иголку и нитки. Неси ещё и аптечку, кажется, необходимо оказать первую помощь пострадавшему.

Вошла девушка со швейной коробкой и аптечкой, опустив глаза в смущении, сделала книксен. Старшая мадам представила девушку Ольгой и назвала себя Дагмар. Военный тоже представился, но довольно смущённо из-за несколько потрёпанного вида:

– Интендант 2-го ранга Владимир Андреевич Крюков.

Хозяйка попросила племянницу принести графин с водкой, солёные галеты, предложила кофе. Военный чувствовал себя сконфуженным, но положение было безвыходным, и он принял предложение выпить кофе после того, как его брюки починят. От стопки водки отказался, употребив её в качестве дезинфицирующего средства. Выйдя в соседнюю комнату, он обработал рану и уже одетым в зашитые брюки, вернулся пить кофе. Реставрация галифе прошла успешно, даже профессионально: шов не был замечен. К тому же, всё сделано быстро. Дагмар умела накладывать и не такие швы!

Пёс, забившийся после происшествия под массивный письменный стол, оставался там. Он чувствовал себя виноватым. Раскрасневшийся мальчик был взволнован и смущён. Лишь Дагмар, как настоящая хирургическая сестра, не теряла самообладания и всё делала рационально, точно, спокойно.

– Кажется, Вы всё поняли, кто мы. Сейчас мы обеспокоены возможной депортацией, даже карточки не получаем, прячемся, боимся показаться на глаза властям. Но от вас это скрыть не удалось. Думаю, что нас всё же не выселят, потому, что мой супруг ведущий инженер Павел Иванович Ланге. Он ответственный работник, его ценят, и он определённо принесёт большую пользу стране. Но я пойму Вас, Андрей Владимирович, если Вам придётся выполнить долг и сообщить о нашем семействе в органы. Время непростое.

Дагмар, хоть и была коренной москвичкой, но говорила с явным немецким акцентом, особенно, когда волновалась.

Тут Петя решился вставить слово:

– Ольга накормила Хана твоими таблетками, мама, что были в маленьких коробочках в буфете. Он и стал таким ненормальным. Пришлось вести его гулять не в обычное время. Он кидался на дверь, а на улице как взбесился, бегал, лаял.

– Так вот, в чём дело. Ну конечно, это от гомеопатических шариков. Ты, Ольга, не знала, что это не простые драже... Интересное действие на собаку они возымели, надо рассказать доктору.

Интендант еле подавлял смех, ему стало весело от того, что собака набросилась на него под действием гомеопатии.

– Мне очень неловко, что я так среагировал и достал пистолет, помчался за Петей и Ханом. Комичная ситуация, если со стороны посмотреть. Пожалуй, лучше нам всем забыть о случившемся и расстаться так, будто ничего не произошло, если Вы не против. А собака у вас отменная, охотничья. Я знаю в сеттерах толк, сам охотник, были у нас в семье сеттеры. И не его вина: сказалось действие гомеопатии. Я всегда был уверен, что эти сладкие крупинки совершенно не имеют никакого действия на организм и смеялся над теми, кто им приписывал исцеляющий эффект. Оказалось, влияют, да ещё как!

Вслед за Андреем Владимировичем рассмеялась вся компания. Хан вышел из-под стола и сел рядом с гостем, положив голову ему на колено: мир?

Казалось бы, так и должна была закончиться эта история: похоже, уже описан счастливый конец. Но нет, продолжение следует.

Военный был добросердечным, любил собак. Ему понравилась семья, он понял, что имеет дело с порядочными, очень симпатичными интеллигентными людьми, переживавшими вдобавок к войне ещё и личный не простой период. Через какое-то время он по условному звонку в квартиру (ему доверительно сообщили) сам принёс какие-то спецкарточки, по которым можно было получать паёк для собаки. Кто бы мог ожидать такого подарка!

В те дни решался вопрос о переезде в Челябинск, уточнялись даты и другие вопросы по отъезду. Павел Иванович был до глубины души потрясён этим благородным поступком интенданта. Посидели, вспомнили, посмеялись особым обстоятельствам знакомства. Хан сидел с ними и наверняка всё понимал.

К сожалению, о судьбе интенданта Крюкова ничего не удалось узнать после войны, след его был потерян. А жаль. Семья Ланге вспоминала этого благородного человека с теплом и благодарностью. И всегда посмеивались, рассказывая эту историю.

Болгария. Май 2018 г.

Потомок Нострадамуса

Две сестры-гимназистки замерли в оцепенении перед старым евреем-предсказателем. Стояли на пороге дома ни живы ни мертвы. Дверь открыл горбатый старец со спутанной бородой и лохматыми бровями. Увечная рука была невероятным образом изогнута, голова лежала на плече. Он быстро вращал глазами, шумно дышал ртом и едва мог стоять, пошатываясь. Убедившись в ожидаемом эффекте (задрожали сестрички, прижались друг к другу, крепко держась за руки), старик улыбнулся и вмиг преобразился в добрейшего дедушку-сказочника. Он выпрямился, горб исчез, рука оказалась вполне здоровой, голова на широких плечах сидела ровно, бороду ловко привёл в порядок большой пятернёй, хитрющие и весёлые глаза сияли добром. Превращение было настолько внезапным, что сёстры переглянулись и нервно засмеялись. Придя в себя, сделали книксен и представились: Ксения и Александра Клярцевич. Пронесли ожидаемый старцем пароль:

– Не вернёте ли, Авид Самуилович, забытый нашим дядей картуз и жилет?

– О, сам давно хотел привезти забытые дядей вещи. Птички мои, проходите за мной. Темно тут в коридоре, держитесь за руки. Не очень я вас напугал? Люблю иногда подшутить над молодёжью.

Они вошли в большую комнату-мастерскую, заставленную вещами и потому казавшуюся тесной. Швейные принадлежности разложены на столе. Чугунная ножная машинка, наверное, только остановилась. Видно начатое шитьё и уже подготовленное для примерки. И множество книг. Грамотный еврей. Похоже, неординарная личность.

Тут же из-под высокой швейной машинки вылез шустрый кудрявый мальчишка.

– Мой сын. Удивлены?

У старика оказался пятилетний сынок.

– Знаете, кто мой предок? Учёный, доктор и пророк Нострадамус! Известно ли вам, что сей муж защитил диссертацию и получил докторскую шапочку? Ему торжественно вручили книгу Гиппократов и ещё особое золотое кольцо. Вот то-то и оно, ничего молодёжь не знает. Молчите... Он изобрёл лекарство, которым остановили эпидемию чумы. Да, занесло нас, потомков его, из Франции вот сюда, в местечко. А зачем, спросите вы. Чтобы не угас тонкий луч провидчества, переданный великим предком, и светил людям и в этой дикой стране. Будете своим детям рассказывать, что виделись со мной, его тайным последователем. А сейчас – никому об этом ни слова, не то несдобровать бедному портному.

Ну да ладно, посмотрим, что подскажет астрология и какие рисунки отпечатались на страницах ваших юных тел. Что смогу, прочту.

Казалось бы, к чему такие предосторожности, пароли, изменение настоящего имени? Всё просто. Портной Хайт, живший в черте оседлости недалеко от Орши, иногда предсказывал, но старался сохранять это в тайне. Но разве утаишь такой дар! Тем более что «по секрету» он сам сообщал некоторым клиентам о родстве с Нострадамусом – мистиком, астрологом, алхимиком. Пророчества Хайта были точны и всегда исполнялись. Нарушать Тору он решался в исключительных случаях. Не мог удержаться! Он, как все евреи, знал, что их религия оберегает души смертных, удалившиеся от Творца, и предписывает уповать лишь на волю Всевышнего, не заглядывать в будущее, верить, что всё свершается во благо.

Шмуэль Моисеевич принимал нуждавшихся в пророчестве в крайних случаях, и только по надёжной рекомендации. Вот и сейчас, в мини-спектакле он ловко изменил свою внешность и имя, будто предсказывать будет не он, а иной человек – Авид. Таковы маленькие хитрости для обмана божественных сил.

Ксения и Шурочка, девочки из обедневшей дворянской семьи, оказалась в тяжёлой ситуации. Поэтому решились узнать, как им жить дальше, что предпринять. Их отец бросил семью

и сбежал из Орши с гувернанткой. Мама тяжело болела, и врачи полагали, что проживёт недолго. Две младшие сестры-близнецы были слабыми и болезненными, а их брат, легкомысленный юнец, не понимал серьёзности положения, жил в своё удовольствие. Вся надежда – на бабушку. Беата Карловна из обрусевших шведов, трудолюбива, строга и умна. Когда-то процветающее поместье принадлежало ей, но после смерти её мужа она пригласила жить с ней большую семью дочери. Постепенно хозяйство пришло в упадок из-за необдуманных решений зятя. И вот теперь после его исчезновения всё стало совсем плохо. Семья в замешательстве и просто на грани нищеты.

– Итак, попрошу вас, мадемуазели, назвать даты и время вашего рождения. Так я кое-что смогу о вас узнать. Потом прошу показать мне ваши ладони, почитаю линии. Затем вам придётся разуться и показать мне стопы. Попрошу вас продемонстрировать мне и ваши родинки. Стесняться меня не стоит, просто думайте о важном для вас, а я расскажу, что вижу, и ничего не утаю. Хотя, что же я, бедный еврей, могу увидеть из будущего? Я же не Нострадамус.

Шура сразу вспомнила свои родинки на груди и зарделась: ни за что не покажу. У Ксени всего-то штуки четыре было: на лице и предплечье. Старик внимательно разглядывал все линии на ладонях и ступнях, хмурился и задавал совершенно неожиданные вопросы:

- Куда выходят окна вашей спальни?
- Когда появился в доме высокий кактус в зимнем саду?
- Что делает Николай в свободное время?
- В каком месяце ушёл от вас отец?
- Что читаешь сейчас, Шура, и чем особенно интересуешься?
- Ксения, зачем написала письмо гимназисту Владимиру? Не отсылай его.

Старик несколько минут молча быстро ходил из угла в угол, а затем начал говорить, почему-то смотря не на девушек, а в окно, словно там видел их жизнь:

– Достанется вам от судьбы, ой-вей! Всё-всё выдержите! Повторяйте в трудные времена: выдержим! Не всё я вижу, полуслепой старик...

Он часто вздыхал и повторял нараспев: яй-яй-яй-яй-яй... Нередко что-то шептал на идише, этого не могли разобрать сёстры.

Суть предсказания свелась к следующему: придя домой, надо сразу вынести из дома самый большой кактус куда-нибудь подальше и проветрить дом. Можно этого колючего монстра подарить, он не причинит вреда другим. От него большая опасность Николаю.

Мамы скоро не станет. Бабушку беречь, как драгоценность. Сёстры слабые, не долгожители. Коле всегда сопутствует удача, он счастливчик. Только про кактус, про кактус не забудьте.

Надо вам согласиться давать уроки музыки. Это поможет семье.

Ксения в богатстве купаться будет, но всё разом рухнет, ничего не останется. Шурочка найдёт счастье в дочерях. Их любовь будет спасать её не раз. Любовь в жизни сестёр разная: у Ксени страстная, как огонь, у Шуры нежная, семейная. Богатства Шуры не видать, в бедности пройдёт жизнь.

Вдруг закрыл глаза и стал говорить про зиму снежную, про леса дремучие. Там, мол, среди лесов, Ксения станет предсказывать простым людям. Сёстры переглянулись, подумав, что запутался старичок совсем. А он им:

- Что-то не разберу, где это, снег густой замедает моё видение...

Вытер слезу со щеки, открыл глаза и продолжил. Настоятельно рекомендовал пустить жильцов в дом, чтобы бабушка не отказывала тому, кто попросится, иначе трудно выжить будет. И чтобы об отце не думали, не вернётся, навсегда приворожила его разлучница. В конце тяжело вздохнул, будто посетовал, сказал, что много исторических событий свершится при жизни сестёр и их детей. Причитал при этом, головой всё мотал и искоса на сестёр посматривал, но больше ничего не стал говорить. Замолчал старик, загрустил.

– Вот и всё, птички мои. Радости вам, певуны, и хорошо играть на фортепьяно, это очень пригодится. Кактус – с глаз долой, и быстрее. Зацветёт, зацветёт негодник.

Сквозь слёзы добро улыбнулся, превратился в портного и спешно выпроводил Шуру и Ксению.

Так и закончился визит к провидцу. Как очумелые были сёстры. Вышли и разревелись обе. Сидели в палисаднике на скамейке, никак не могли всё сказанное уложить, разобрать. Чтобы не забыть, всё повторяли, друг друга дополняя. У обеих мигрень началась сразу, знобило от переживаний. Тяжёлым визит оказался. И мама, мама... Как же без неё прожить? Тут же закралась мысль: может, врёт старик, и ничего не исполнится? И Нострадамуса приплёл...

Приехали и обомлели: Коленька задыхался, бегал по дому, искал помощи. Сразу сказали бабушке, чтобы выбросила свой заморский кактус, на который вся Орша заглядывалась. Редкого сорта был могучий красавец, выписала его из-за границы в лучшие времена. Как только бабушка распорядилась вынести его подальше в сад и проветрить весь дом, Николаю стало легче. В тот день на кактусе впервые появился крупный бутон. Беата Карловна долго ждала чудесного цветка. Вредное для семьи растение с радостью забрала соседка. Если бы не предупредил старец, ни за что не догадались бы убрать колючее чудовище.

Девочки узнали, что бабушка не решилась сдать дом в аренду семье молодого юриста. Но, приняв доводы внучек, спохватилась, послала за претендентом на их усадьбу и договорилась о сдаче на год, а то и больше. Сами переселились во флигель. Надежда Стефановна умерла через месяц. Сёстры-близнецы, вскорости заболели scarлатиной и не выжили. Всё это происходило в самом начале XX века. Жизнь показала, что пророчества Хайта непременно сбывались.

Шурочка по любви вышла замуж, родила чудесных дочек. Переехали в Москву. По причине болезни не смогла окончить консерваторию. Потом пришла разруха в стране, жили в нищете и голоде, потеряв всё, что имели. Хорошо, что выжили. У Николая всё сложилось достаточно благополучно: женился, служил, потом преподавал математику в Москве.

После посещения Хайта сёстры долго ожидали обильных сказочных снегов и появления у Ксении способности предсказывать. Юным не терпелось необыкновенное увидеть... Не дождались. Посмеивались, вспоминая, как провидец в какой-то момент сбился и нафантазировал невероятные зимние картинки. Предположили, что необузданное воображение уносило потомка Нострадамуса в миры фата-морганы, где было место северному сиянию, холодной Снежной королеве, сверкающим снегам и бесконечным чудесам.

Ксения вышла замуж за преуспевающего хирурга и жила на широкую ногу в Петербурге. Была счастлива. Потом овдовела. В её жизни было много страсти, любовных интриг, развлечений. Вышла второй раз замуж за успешного и состоятельного юриста-эстонца, переехала в Эстонию. Тем временем судьба готовила ей невероятный кульбит...

Советская власть, а затем война завершили её благополучную жизнь. Ксения потеряла абсолютно всё: мужа, дочь, имущество, счастье. Антона расстреляли, а дочь пропала. Ксению сослали на пятнадцать лет в Сибирь. Вот там-то она и вспомнила про видение старика. Вьюги, снега, морозы. В сибирской ссылке у Ксении неожиданно открылся пророческий дар. Благодаря этому, она смогла пережить самую морозную и голодную зиму, когда многие ссыльные не выжили. Местные селяне в благодарность за её прозрения давали продукты, помогали. Способность предсказывать так же внезапно пропала, словно это было спасительным подарком свыше, и лишь на самое тяжёлое время.

Шмуэль Хайт ещё долго портняжничал. Изредка толковал сны и предрекал события. А для души занимался мистификацией. Его род продолжился. И уже в наше время, по словам очевидцев, Мишель, потомок Хайта и самого Нострадамуса, удивляет народ своими эпатажными выходками. Его остроумные шутки становятся анекдотами. На этот театр одного актёра съезжаются поглазеть и прислушиваются к предсказаниям. Когда приходит особое настроение, тот переодевается бродягой. Перевоплощается, даже голос меняет. Бродит по окрестностям

Орши под иным именем, кого смешит, кого удивляет. Аудиторию всегда держит восхищённой. Особо доверенным лицам демонстрирует золотое кольцо с плохо различимыми латинскими буквами и сообщает по секрету, что кольцо передавалось в роду по мужской линии от знаменитого пращура – французского прорицателя, астролога и алхимика. Род Нострадамуса жив.

Москва. Сентябрь 2018 г.

Цыганка

Я работал в Плевене в службе автотехпомощи на дорогах. Как-то раз шикарный новый «мерседес» ехал по плохой дороге сразу после сильнейшего ливня и урагана, и воздушный фильтр захлебнулся водой. Пришлось транспортировать его в небольшой городок К. километров за 120 от Плевена. Хозяевами машины были молодые цыгане. По виду очень богатые. Цена для них не вопрос, договорились сразу, на расценки службы даже не взглянули. Поехали. Довёз до поселения, остановился по их указанию около богатейшего трёхэтажного дома. Ребята сразу вышли из машины и разошлись в разные стороны, не заплатив. Я остался в машине. Подумал, вернутся, захватив деньги. Жду полчаса, час. Никого. Дом ограждён мощным забором, сплошь покрытым зеркалами. Всё блестит, светится и отражается. Прошёл в открытые ворота, покричал, есть ли кто. Тишина. Дом был открыт, я вошёл. Это оказался настоящий дворец с высоченными потолками и заставленный вычурной, с претензией, мебелью. По стенам зеркала. Обои золотистые, мебель с золотом, обита бархатом. Широкая лестница под красным ковром вела наверх. Мне показалось, что вот-вот вниз снизойдут звёзды киноэкрана, защёлкают кинокамеры, потянутся к артистам руки с микрофонами... Я опять воззвал в пустоту: есть ли кто живой. Молчание. Пошёл в следующую комнату, где было всё застлано узорчатыми коврами и заставлено мебелью в стиле барокко. Люстры сияли, отражаясь в зеркалах, на стенах во множестве бездарные картины в широких золочёных рамах, тяжёлые шторы с кистями, громоздкие канделябры, обилие хрустальных ваз всевозможных размеров – всё пестрело богатством и дурным вкусом. Словом, цыганский кич, но чрезмерно дорогой. Никого. Тишина.

Пошёл по коридору дальше. Откуда-то слева шёл запах дыма – значит, там кто-то есть. Я открыл дверь и оказался в маленькой комнате. Прямо на полу тлели угли небольшого кострища. Рядом по-турецки сидела старая цыганка, одетая традиционно во множество каких-то одеяний, не поддающихся моему описанию, и чистила ёршиком и ножичком свою курительную трубку. И это происходило в доме-дворце. Казалось, все её пальцы были в золотых кольцах, в ушах золотые тяжёлые серьги. В комнате не было ничего: ни мебели, ни штор. Я окаменел. Старуха не взглянула на меня, не сразу и спросила, зачем пожаловал. Объяснил, что довёз парней на «мерседесе», они услугу не оплатили, ушли, не возвращаются. Хотел бы их найти. Она спросила:

– Сколько?

Я сказал.

Старая стала рыться в юбке или в кофтах, зашуршала чем-то (всё это не выпуская трубку из рук), достала толстенную пачку денег, перетянутых резинкой, и пробурчала:

– Возьми сам, сколько надо.

Пока она возилась, доставая деньги, я разглядел её морщинистое лицо и понял, что женщина на вид строга, неулыбчива, как-то безучастна. Я решил спросить, не барона ли это дом. Она посмотрела на меня пристально и сказала: «Не твоё это дело». Показалось, что живёт старуха в хоромах, а душа её где-то далеко отсюда, на воле.

Я отсчитал сумму, поборов сильное искушение взять больше, оставил ей квитанцию, которую она, не глядя, бросила в тлеющие угли. Она молчала, углубившись в тщательную очистку чубука, на меня и не взглянула. Поблагодарив и простившись, я ушёл.

Поражённый этой невидалью (костерок внутри хорОм цыганского барона), я решил зайти в местное кафе перекусить, а заодно расспросить об этом доме, о цыганской семье. Хозяин мне охотно рассказал о Богдане, владельце палатцо, и о его престарелой матери – Раде.

Потом я часто вспоминал историю этой старой женщины и живо представлял, как она разводит огонь в пустой комнате, открывает окно в сад и перемещается в пространстве и времени в далёкую кочевую молодость. И тогда оказывается, что она находится не в перегружен-

ном дорогими вещами дворце сына-богача, а сидит на траве у настоящего, жаркого, высокого костра в окружении вечно странствующих соплеменников. Рядом бегают неугомонные цыганята под окрики матерей, вокруг разбиты палатки, слышны громкий говор, ссоры, смех. Ветер развивает чёрные волнистые волосы её тринадцатилетней дочери, открывая золотые серьги-кольца и раздувая длинную с оборкой, небесно-голубую юбку девочки. Роза стоит руки в боки и, широко улыбаясь, переговаривается с парнем. Мать уже знает, за кого та выйдет замуж, но почему-то хмурится, старается не смотреть в их сторону. Её средний сын ушёл от цыган, где-то в городе, по слухам, работает и даже учится. К своим сородичам не навещается. Старший удачно женился, и дела его успешны. Теперь устроить семью должна младшая, любимица Рады.

Юной Розе предстояло выйти замуж по воле своего отца и вопреки желанию её матери. Мать-то чувствовала, что быть горю в молодой семье, поэтому не хотела выдавать за Романа дочь, но Бойко настоял: хорошая партия для Розы. Вышло всё, как предвидела мать: Роза забеременела и в пятнадцать умерла в родах, ребёнка тоже не смогли спасти. После смерти дочери Бойко горевал, сам прожил ещё два года и ушёл вслед за ней. Осталась Рада вдовой и без любимой Розы. Замкнулась, редко с кем разговаривала. Долго отказывалась переезжать к сыну. Богдан в жизни преуспевал, будто всегда удачу в руках держал. Уважаемый. Настоящий авторитет. Все на поклон к нему приходят. Матери выпала доля с ним жить: так следовало по закону. Не хотела в этот дворец селиться, но пришлось: за старыми родителями сын обязан хорошо смотреть, содержать их в таком же достатке, каким обладает сам. Не по нраву Раде заборы, этажи, оседлая жизнь.

Попросила в придачу к большой спальне дать ей маленькую комнату внизу и ничего туда не ставить: там будет место для огня. Больше ей ничего не нужно. Здесь разводила небольшой костерок, закуривала и без помех погружалась в переживания, вспоминала смерть обожаемой ею Розы, корила себя, что не смогла воспротивиться роковой свадьбе. Жизнь удалась лишь частично: только старший из её детей успешный. Среднего – упустила, не досмотрела, потому и ушёл. Не сумела и дочь уберечь. О ней больше всего и печалилась. Да и сама вдовой рано стала.

Мечта была у Рады: последние дни провести окружённой цыганской суетой на воле, где-то в горах или в лесу на большой поляне, и там же умереть. Попросила сына именно так устроить конец её жизни, чтобы под открытым небом смогла уйти в другой мир. Говорили, что поклялся, но это, возможно, слухи.

Иногда Рада ходила по шикарным чертогам сыновнего дворца, трогала богатые вещи, переставляла местами хрусталь и бронзу. За сына и за большую его семью была спокойна. Но всё ей было чужим в этом закрытом забором царстве. Это она настояла, чтобы зеркалами украсили ограду – оберег надёжный от завистников, от врагов. Сын понимал, о чём тоскует его старуха-мать, но не мог отпустить её продолжить обычное для цыган бродяжничество. Она всё же престарелая и уважаемая мать знатного цыгана!

Многие их соплеменники, жившие оседло, обычно весной снимались с места и на машинах с палатками отправлялись кочевать до осени. Прошлой весной, когда совсем занемогла Рада и передвигаться самой ей стало не под силу, умолила сына позволить ей, наконец, уйти с цыганами. Богдан дал ей такую вольницу: отпустил под присмотром двоюродного брата. И выздоровела ведь на природе, не умерла, как задумала, а вернулась через два месяца бивачной жизни помолодевшей, окрепла и телом, и духом. Даже снова запела, когда гости на юбилей её сына собрались.

Потом через короткое время опять загрустила старая Рада и взялась за своё: разводила небольшой костерок в комнате, сидела там и днями, и ночами, трубки свои любимые всё курила. Одну курит, другая, очищенная, отдыхает, третья ждёт свой черёд. Раньше мечтала, чтобы подарили новую хорошую трубку, теперь и это ей не интересно. Одна радость и осталась у старой: покурить у огня. Никого не хотела видеть, ни с кем не пускалась в разговоры: всё уже переговорено, сказать ей людям нечего и узнать от них не рассчитывала ничего нового. Так и

ожидала Рада теперь тех счастливых последних дней жизни, что проведёт, как ей обещано, на свободе под высоким небом, на ветру, глядя на уходящее за горизонт красное солнце. А они, эти счастливые дни, всё не приходят, как ни зови.

Болгария. Май 2018 г.

Отречение

Моя подруга почти оформила все документы на продажу дачи и заболела. Остался буквально заключительный момент, и её старая дача через неделю уйдёт к новым хозяевам. А пока Даша попросила меня помочь разобрать и выбросить всё, что найдётся на чердаке. Она сказала, что там только никому не нужный хлам, много раз всеми просмотренный. Фотографии оставлены или совсем выцветшие, или не знакомых ей людей – всё сжечь. Чердак (новые жильцы его называли мансардой) покупатели собирались сразу же отремонтировать и устроить там мастерскую главы семьи – художника. Вот я и освобождала пространство. Не удержалась, решила посмотреть старые фото прежде, чем вынести всё в огонь. Глядя на одну из них, вспомнилась история, когда-то поразившая моё воображение.

Высокочелюстный красивый мужчина средних лет с густой, богатой бородой – фотография обрезана примерно по плечи, поэтому не видно всей фигуры. Лишь угадывается тяжёлая цепь поверх одеяния. Теперь ясно, кто это. Это отец Михаил – священник из Сибири, откуда происходила родня Даши по отцовской линии. Когда-то опасно было иметь даже фото, свидетельствующее о родственнике в сани, вот и обрезали крест священника, чтобы избежать лишних вопросов. Сразу вспомнились давние Дашины сомнения, двойственное отношение к судьбе деда. Рассказали ей о нём только однажды, по секрету, шёпотом, иначе о том и не говорили. А противоречивых и тревожных мыслей родилось много, на всю жизнь хватило раздумий. Она поделилась ими в юности только со мной. Да уж, не часто услышишь семейную тайну.

Отец Михаил по натуре был непритязательным, скромным, добрым человеком, умел с неподдельной искренностью общаться с людьми всех сословий. Служил дьячком в сибирском селе Пепелище. Несмотря на молодость, был очень уважаем (даже больше, чем сам настоятель церкви отец Пётр), много помогал всем в округе. О нём говорили: как святой. Ему ничего не надо было, кроме добрых дел. Утешал приходящих, делился едой с неимущими, детей любил и опекал насколько средства позволяли. Хоть молод был, а всем казалось, что мудр не по годам. Да и как-то по-особому светились радостью глаза. Любил читать в свободные от забот часы. Родители его погибли, когда Михаилу и братьям было от тринадцати до семнадцати лет: утонули в апреле при переправе через Тавду – река начала внезапно вскрываться, не смогли спастись, погибли все. Сибирь для сильных. Край необыкновенной красоты таит в себе великую мощь и такую же опасность. Братья были дружными и самостоятельными – так их воспитали. Старший женился, остался в селе, жил с семьёй рядом с Михаилом (он средний), а младший переехал в город Тавду и нередко приезжал проведать братьев, помогал с огородом Михаилу – любил он это дело, а в городе не было такой радости.

Михаил давно обратил внимание на очень милую прихожанку соседнего села. Катерина Лепёхина поглотила все его мысли, хотя он беседовал с девушкой всего несколько раз после службы, видел, как она смотрела на него любящими весёлыми глазами, потом осмелился признаться ей в любви. Она сначала зарделась, потупила взгляд и тут же радостно, искренне, видно, от всей души, улыбнулась в ответ. Так всё стало понятно обоим.

Екатерина Алексеевна была из знатного купеческого рода, известного на всю Сибирь. Алексей Петрович и Вера Ивановна Лепёхины (оба из купеческих семей) имели свой лесопильный завод в селе Журавлёво, успешно торговали, занимались лесом. У них было двое детей: Тимофей и Екатерина. Вера Ивановна от своего отца-купца унаследовала усердие к работе и научилась вести расчетные книги, чем облегчала работу супруга.

И вот теперь незадача: посватался к их Катеньке пономарь, дьячок Михаил. Влюбилась в него дочь. Не хотели родители отдавать её небогатому дьячку, хоть знали, что умён, добр и честен, и люди отзывались о нём лучшим образом. К дочке сватались многие из зажиточных семей, видные женихи, хорошую партию могли бы составить. Но Катя всё же настояла, упро-

сила, а ей отказа никогда не было. Не то что сыну Тимофею – тот в строгости рос. Дочь холили, ублажали, ей не откажешь: была нежной, умной и очень сердобольной. Вот теперь плакала мать, вздыхал и всё больше молчал отец. Работы у него было много на своем заводе, а новый зять явно не помощник в лесном промысле. Алексею Ивановичу приходилось полагаться на помощь своего сына Тимофея и брата Ивана. Ясно, что каприз дочери не будет способствовать прибыли в их крупном и пока доходном деле. Сейчас Михаил в дьячках ходит, но видно, скоро станет священником: слишком стар и плох уже настоятель отец Пётр. Ну что взять со священнослужителя? Благословение и отпуск грехов – вот и всё, пожалуй. Жильё скромное, доходов практически никаких. Хорошо ещё, что Михаил новый сруб поставил с помощью братьев на месте старого отцовского.

Поехал Михаил к родителям Екатерины Алексеевны свататься. Знал, что он не пара, о которой мечтает семья Кати, очень волновался, надежды было мало. Не имея родителей, испросил благословения у отца настоятеля. Просил у четы Лепёхиных руки Екатерины и неожиданно для себя получил их согласие.

Сыграли свадьбу в октябре. Катерина быстро освоилась в роли жены. Стала вести хозяйство, оставалось время, чтобы и в церкви помогать, сдружилась с односельчанами. Ей нравилось на новом месте: дом светлый, ещё лиственницей пахнет, вид на Тавду прекрасный, лес хвойный, богат ягодами, грибами – в общем, привычно, красиво, всё похоже на её родное село.

В августе появился их первенец Фрол. Ребёнок был здоровым, быстро рос. Через год – появление Анастасии. В семье царил мир, светлое солнечное настроение, в общем – счастливы были. Оба неустанно благодарили Бога. Как и раньше, Катя и Михаил помогали бедствующим – в этом находили радость и видели своё предназначение.

Михаила Иконникова рукоположили, когда пришла пора сменить совсем старого и немощного настоятеля отца Петра. Екатерина Алексеевна рада была новому сану супруга. Любовь и уважение всех прихожан только крепили и увеличивались. Отец Михаил стал настоятелем храма Святителя Николая Чудотворца в Пепелище. Все понимали, что второго такого доброго, внимательного, глубокой души и ума человека не сыскать. Отец Михаил слыл бесребреником, искренне верил в Бога, умел дарить страждущим радость, успокоение, вселять надежду.

Настал потом тяжёлый период у Иконниковых: за три года умерли двое новорождённых. Это было большим испытанием для семьи. Задумалась и Екатерина о том, за что такое горе, но не нашла ответа. Страшно было помыслить о рождении следующего ребёнка. Но Бог милостив. По прошествии времени родились Николай, Ольга, Андрей – все были здоровы, слава Богу. Семья снова счастлива. Род Лепёхиных продолжился – сам лесозаводчик радовался внукам и счастьем дочери, втайне от отца Михаила помогал их семье. Узнай об этом отец Михаил, воспротивился бы. Бабушка, Вера Ивановна, иногда гостила у дочери, помогала воспитывать внуков.

Всё казалось благополучно в обеих семьях. Но тут свершилась Великая Октябрьская революция, и всё кругом начало трещать по швам и разрушаться. Общество погрузилось во тьму. И только неверующие и глупцы радовались. У имущих отнимали силой то, что они зарабатывали своим трудом. Такое дармовое богатство шло в руки ленивых и неумелых само, без каких-либо усилий. Грабежи и насилие накрыли страну. Настало тревожное и опасное время. До Сибири доходило всё новое не сразу, но слухи доносились, что переселяют народ на сибирские земли, что идут гонения на богатых, на церковь. Люди жили в тревоге и ожидании беды. И бедствие не миновало район Тавды.

В Сибирь пришли коммунисты. Разнузданные отряды неотёсанных хамов гоняли женщин нагайками, избивали мужчин, глумились над старыми и больными, отбирали силой скот и занимали любые дома по своему желанию. Беспредел воцарился по всей области, судя по всему, и далее. Отец Михаил, произнося проповедь, старался удержать народ в вере и в мире.

Просил не поддаваться на провокации и молиться Божией Матери и Спасителю – они помогут и в самой тяжкой беде. Укрыл в своём доме двух зажиточных, на жизнь которых покушались обезумевшие от алчности. Слава Богу, их удалось спасти от расправы.

Но настал момент, перевернувший не только жизнь семьи отца Михаила, но и жизнь всего селения и его окрестностей. К отцу Михаилу шли люди из соседних сёл и деревень, жаловались, искали его совета, заступничества. Как мог, утешал, дарил надежду и просил затаяться, переждать злое время. Не секрет, что в сёлах, деревнях не все имущественно были равными. Именно те, у кого шатки нравственные устои, не зрелый ум, превалирует алчность и злоба, приводящие к ненависти и агрессии, активно поддерживали большевиков, проповедовавших всеобщее равенство за счёт насильственного перераспределения: передачи всего нажитого богатыми бедным. С азартом и жестокостью хищников эти люди объединялись и шли грабить. Если же кто-то вставал на их пути, они беспощадно расправлялись, чтобы достичь своей цели: награть, восторжествовать над состоятельными и зажить жизнью, обеспеченной за счёт полного обнищания, часто гибели, других семей. Алчных завистников, одичавших в слепой злобе головорезов набралось немало и в районе Тавды. Подхлестываемые активными действиями красных, рьяными выступлениями агитаторов, они у своих же сельчан отбирали зерно, включая даже запасы семенного фонда. Под горячую руку попадались попы, противостоящие грабёжам, к тому же оберегавшие церковные ценности. Пришёл такой отряд и в Пепелище, да там и своих хватало из этой породы – они объединились, как сходятся в стаю промышленяющие безродные псы. Сначала, как водится, отобрали зерно, запасы, затем решили завладеть имуществом храма. На их пути встал настоятель отец Михаил. Вот тут и начали глумиться над ним и его семейством. Силой вывели отца Михаила из церкви, приволокли в его двор к колодцу. Из дома выгнали всю его семью, включая младших детей. Когда-то при строительстве нового дома отец Михаил позаботился о колодце: сам сделал новый колодезный домик, украсил его резьбой – в этом был большой мастер. И вот теперь семья и односельчане стояли во дворе под издевательскими насмешками грубой, безжалостной, оголтелой от ярости оравы. Их главарь высмеивал Бога, плевал в сторону церкви и угрожал поджечь храм на глазах у всех, если отец Михаил не отречётся от веры. Священник сказал, что такого не будет, перекрестился, попытался вслух прочесть молитву, но был сбит с ног и оплётан. Его подняли, поволокли к колодцу и объявили, что сначала его утопят, а потом всех членов его семьи ждёт та же участь, если не отречётся: «Нам не жалко этого выводка, как котят слепых, потопим, а бабу – сам знаешь, как используем. Отрекайся!». Дети – в плач, жена стала их обнимать, хотела убежать в дом с маленькими, её тут же пинками вернули на место, детям угрожали. Они плакали, держались за мамину юбку, звали папу. Народ собирался к дому, несколько мужчин взяли вилы и пошли на защиту священника. В них стреляли, нескольких ранили. Женский вой поднялся в толпе, гнев и страх обуяли народ. Священника связали, двое стали опускать в колодец. Когда тот уже захлёбывался, его вытаскивали за волосы и бороду, бросали на землю и требовали отречься. Отец Михаил видел детей и жену, увидел, как та упала недвижима. Его опять бросали на верёвках в колодец и держали там. Потом вытаскивали, угрожая гибелью семейства. Соседи подняли Екатерину Алексеевну, привели в чувство, пытались загородить собой детей, чтоб те не видели издевательств, но их растолкали истязатели, чтобы дети смотрели на пытку. Издевательство повторялось под дикий гогот солдат. Кто-то из них вынес иконы из дома батюшки и порубил в щепки, другие приволокли из церкви крест-Голгофу и изобразили, что распинают на нём обессилевшего священника. Потом разрубили и Голгофу топором. Еле живого отца Михаила опять погрузили в колодец. Уже стали брать одного за другим детей и подносить к колодцу. Жена в панике бросалась на извергов, женщины – вслед за ней. Но живодёры их оставили. Отцу Михаилу дали прийти в себя. Взяли за ноги младшего Андрея, угрожая бросить в колодец. Спросили его отца: «Отречёшься?» Не помня себя, жена закричала: «Да!». Из толпы в главаря шайки бросили кол и ранили его. Часть мучителей кинулись покарать виновного.

Маленького Андрюшу стали опускать на верёвках в воду, тот кричал, потом замолк. Опять один из мучителей крикнул священнику: «А теперь-то отречёшься или всех утопить за твоего Бога?» Не выдержал, сказал: «Да». Младшего полуживого вытащили и бросили всё ещё связанного, захлебнувшегося, к ногам матери. «Ну вот и отпразднуем сегодня отречение батюшки. Погорят иконки ваших заступников, посмотрим, как Бог защищает своих верных». С гоготом стали покидать двор, направляясь к церкви, где уже встали мужики с топорами, кольями на её защиту.

Так произошло отречение отца Михаила. Дети и жена уцелели, остались живы. Отец Михаил в полуживом состоянии. Он молчал, только слёзы потоком лились из закрытых глаз его. Крестился, когда мог. Лежал, встать был не в силах.

Вокруг церкви было побоище, даже из Тавды прискакали усмирять бунт в защиту храма. Иконы в дорогих окладах похитили, над иными надругались. Унесли серебряную крестильную купель, кресты. Нагулялись, наглумились, а потом и след их простыл, видно, продолжили бесчинствовать в других местах. А те пепелищенские, что были своими в селе, как же у них-то рука поднялась на такое? Где же их вера была? Ведь раньше ходили в церковь, крестили детей своих, отпевали умерших, на Пасху христосовались... Сейчас ошалелой бандой носились по своему родному краю.

Известно было, что зимой священнослужителей постигала ещё более изощрённая пытка. Делали две проруби в реки. Священника обвязывали верёвками, концы верёвки протягивали подо льдом, мученика опускали в прорубь и тянули его из одной в другую. Это называлось «продёргивание подо льдом». Мало кто выживал после такого. Вот таковы нравы...

Что было дальше с семьёй? Даша знала одно: Михаил Андреевич стал учителем в сельской школе, где проработал совсем недолго и скончался, всё ещё уважаемым сельчанами, несмотря на позор отречения и унижение. Сам себе не простил предательства. Родные помнили, что он часто повторял слова из Евангелия: «Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её». После пережитого сильно заикался, дома говорил мало, но оставался до конца добрым и ласковым с домочадцами и местными жителями.

Линия священников Иконниковых всё же продолжилась: младший Андрей (кого пытались утопить в колодце) стал монахом, по окончании школы ушёл в чудом уцелевший монастырь по благословию своей матери Екатерины. Екатерине Алексеевне Бог послал дожить до глубокой старости в окружении внуков. О её родителях Даша ничего не знала.

Даша всегда хотела понять, как же отнестись к поступку Михаила Андреевича. Считать ли его вероотступником и предателем веры, как обычно трактовались подобные отречения. Или понять мотив и смириться, зная, что на самом-то деле он не предал Бога, а только лишь произнёс требуемые извергами страшные слова. И кого считать страстотерпцами, мучениками за веру? Принято уважительно вспоминать только тех, кто не отрекались, несмотря на пытки и угрозы жизням их родных. Их причисляют к святым. Нередко упорство истинных верующих приводило не только к их собственной гибели, но и к гибели других людей. Считалось, что Бог к ним особо милостив и уготовал им истинный свет, блаженство. Библия учит отречься ради Христа от жизни своей и жизни близких, родных, от отечества во спасение своей души. Кто не жалеет жизни земной ради Бога, получает потом награду – жизнь вечную, душа его не погибнет. Ради этой-то награды люди жертвуют всем. Всё непросто. Можно ли назвать мучениками таких, как отец Михаил, тех, кто после отречения страдал весь остаток жизни и за себя, и за членов своей семьи, считавшихся вероотступниками? Отречение-то было мнимым, не отрёкся от Бога отец Михаил, это же ясно. Не был он вероотступником. И семья продолжала верить, молиться, хотя и тайно. Рассказывать о таких семейных историях считалось позорным из-за устоявшихся взглядов в обществе.

Множество вопросов, толкований породила эта история. Не раз мы с подружкой Дашей возвращались к этой теме, спорили и о поругании веры, и о предательстве, и о духовенстве, и

об идеалах... Проблема мнимого отступничества не давала покоя, она бредила нашу совесть, заставляла возвращаться к проблеме. Помню, Даша задавалась вопросом: чем могла помешать приходу всеобщего благоденствия, обещанного большевиками, вера людей в то, что они созданы высшим разумом? Вера в Бога сама по себе не должна была вредить большевикам, если судить именно по объявленным ими высоким идеалам. В творениях пришедших к власти «классиков» вред самой веры не объяснялся. Я на этот вопрос ответа не имела, мне виделось, что борьба шла не с верой, а с теми, кто имел духовное влияние на верующих: с церковниками. Новые вожди, вопреки их заявлениям, были кровожадными и лживыми. И средства в достижении провозглашённой цели, мягко говоря, не соответствовали идеалам равенства, справедливости и братства. Это потом, много позже описываемых событий, уже после войны, большевики поняли роль веры в защите всего нашего отечества и прекратили так рьяно глумиться над верой. Священников уже не уничтожали как класс и церкви не взрывали. Вот в зрелые годы мы и сошлись во мнении: была сотворена чудовищная несправедливость по отношению к вере людей. Бессмысленная и жестокая. С годами у нас с Дашей обнаруживались новые ракурсы в обсуждении, открывалось то, чего ранее мы не понимали.

Фотографию отца Михаила я взяла себе на память. А кому после меня она достанется – Бог знает.

Болгария. Июнь 2017 г.

Ружьё

Адам Полонский, молодой криминалист, получил степень доктора юридических наук в Варшавском университете, и теперь шведский университет в Уппсале пригласил его преподавать. Мия училась там же, в Уппсальском университете, на последнем курсе по специальности филология. Они познакомились в библиотеке. Адам стал приглашать Мию на свидания. Они много гуляли, иногда ходили в кино, обсуждали прочитанное и некоторые случаи из судебной практики Адама. Обоим казалось, что у них много общего, это притом, что характеры были разными, даже противоположными. И что же могло их объединять, кроме молодости и готовности влюбиться? Приятели Мии задавались вопросом: что привлекательного она видит в Адаме. Если Мия – нежная, умная, ценит юмор, компанейская, то Адам – с виду чёрствый, нелюдимый высокомерный гордец, казалось, никого, кроме себя, не любит. Он вызывал уважение как профессионал и интеллектуал, но как человек не был симпатичен. Хотя порой sentimentalен, и тогда открыт, но лишь одной своей избраннице. Он читал ей сонеты Шекспира, интересно рассказывал о Польше, размышлял о Наполеоне – своём любимом герое. В такие моменты Мия видела его истинную душу, совсем не чёрствую, а тонко чувствующую, одинокую. Она полюбила его именно таким, каким он представал в редкие минуты откровений. Скрытые черты его натуры она прозревала через цитируемые Адамом стихи, которые он знал в огромном количестве. Такой не романтичный и вдруг наизусть читает поэмы – потом выяснилось, почему. Юная Мия, конечно же, ожидала горячих признаний в любви, пылкости и восхищения, как обычно бывало с другими ухажёрами. Но в этом случае шло всё иначе. Она даже обижалась, а он ей в ответ – сонет Шекспира:

Её глаза на звёзды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьётся прядь.

С дамасской розой, алой или белой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.